

КУЗНЕЦКАЯ СТАРИНА

Вып. I

История и памятники Южной Сибири
и Кузнецкого края

Новокузнецк 1993

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОЖИЛА КУЗНЕЦКА Г.В. КУРТУКОВА

Куртуков Георгий Васильевич родился в 1888 г. в деревне Малова, Кузнецкой волости. Отец - местный житель деревни Маловой, тут и родился. Мать тоже. Родители занимались крестьянством, жили очень бедно: имели в хозяйстве 2 лошади и 2 коровы. В семье было четверо детей: Парасковья, Степан, Георгий и Костя .... Мать семьи Куртуковых вскоре умерла, когда родился Костя.

В это время в Кузнецке жили, не имея детей, некий мещанин Иван Захарович Ищенко с женой Надеждой Александровной, которая воспитывалась у Басаргиных Александра Васильевича и Аксины Власьевны. Ищенко Иван Захарович родом из Тобольска, отслужил службу в Кузнецке в местной воинской команде, познакомился с воспитанницей Басаргиных, остался жить в Кузнецке и женился на Надежде Александровне. Здесь же служил писарем в Кузнецком уездном воинском управлении его племянник Илья Ищенко...

После смерти матери отец Куртуковых вскоре женился, а года через три где-то надсадился и стал болеть. Будучи больным, отец как-то сообщил в Кузнецк Ивану Захаровичу Ищенко, чтобы он взял себе в дети ... Георгия. Приехал в Малову Иван Захарович, оформил документы на усыновление Георгия и увез его в Кузнецк. К этому времени Георгию Куртукову было лет 5-6. Отец Куртуковых вскоре умер.

Проживая в Кузнецке в семье Ищенко, Георгий Куртуков звал Ивана Захаровича отцом, его жену Надежду Александровну матерью.

Надежда Александровна Ищенко часто ходила в гости к Басаргиным, как к своим, у которых раньше воспитывалась, брала с собой и Георгия. И вот эта старушка Басаргина Аксины Власьевны как-то сводила маленького Георгия смотреть умершего купца Васильева Михаила Васильевича, владельца двух магазинов, и поведала о нём его историю. Историю о купце Васильеве старушка Басаргина не раз пересказывала другим, поэтому Георгий Васильевич Куртуков хорошо её запомнил. А дело было так:

Служил на военной службе в Кузнецке солдат Михаил Васильев, по кличке "еврей", так его прозвали солдаты. Ростом низенький, на лицо чернявый, смекалистый. Надо было отслужить 7 лет. И вот этот Михаил Васильев приспособился к торговому делу. После завтрака, обеда и ужина в солдатской столовой он собирал оставшиеся куски хлеба и приносил Басаргиным для скота. Аксинья Власьева за мешок хлеба наливала Мише ведро молока. Последний, возвратившись в казарму, продавал молоко солдатам. Так накопил денег. Ходил солдат Васильев к Басаргиным часто. В праздники Аксинья Власьева угощала его пирожками и всякой снедью, а хозяин ее Александр Васильевич давал не раз выпить. И стал Васильев в семье Басаргиных как свой, каждое воскресенье — у них, каждый праздник — у них.

Один раз, после выпивки и угощений, Аксинья Власьева как-то спросила Васильева: "Миша, сколько ты получаешь?" - "Сорок копеек в месяц", - ответил он. "А почему у тебя аккуратные сапожки? Носки твоих сапог, не как у других солдат, где ты их взял?" И Миша стал рассказывать из своей солдатской жизни:

"Стоял я на посту у тюрьмы. Была тёплая летняя ночь. За решетчатыми окнами тюрьмы, в одной из камер, сидел закованный в кандалы бродяга, приговорённый к каторжным работам. Проходя снаружи тюрьмы мимо камеры бродяги, я слышал крик бродяги, подзывающего меня к окну камеры. По уставу караульной службы часовому запрещается разговаривать с арестантами, но неоднократные просьбы бродяги - каторжника почему-то заставили меня подойти к окну. Бродяга предложил: "Хочешь быть счастливым, озолочу. Помоги бежать, дам много золота".

- А есть оно у тебя? И где?

- Есть, и много... только принеси мне пилку, я тебя озолочу..."

И тут каторжник, получив моё согласие принести ему нужную пилку, в пылу радости рассказал, что за речкой Мостовкой, как ехать из Кузнецка в Есаулевку, на поляне, где конское кладбище, под одной из боярок, в черепа лошади спрятана жестяная банка, обмотанная тряпьем. В ней, в кожаном мешочке, несколько фунтов золота". Я сказал, что проверю, быть может, ты врешь, и пошёл выполнять свою службу. А мне вслед через окно долетали слова, что после побега он, бродяга, ещё даст золота...

После службы, с началом рассвета, крадучись от людей, с лопатой в руках я пробрался по коровьим тропам за речку Мостовку к тому конскому кладбищу, где лежал клад. На поляне была не одна боярка, а черепов конских - десятки, поросшие травой. Перекинул один череп, другой, третий, в конце концов нашел. Да, действительно, в найденном черепе, в прогнивших тряпках и заржавленной уже банке, в кожаном мешочке было золото: только в монетах".

- А где, ты хранишь своё богатство? - спросила Аксинья Власьевна.

- Там, где надо, - ответил смеясь Миша.

После этого рассказа Миша-солдат продолжал навещать Басаргиных, носил им хлебные корки в мешках, получая взамен молоко...

Закончив военную службу, Михаил Васильев остался жить в Кузнецке, и нанимался работникам к купцам. А вскоре женился. Женщины натакали его жениться на Кате, дочери попа отца Евгения, проживающего в двухэтажном деревянном доме по ул. Достоевского, /теперь дом Курако/. Дочь эта Евгения была с повинкой, т.е. имела от кого-то ребёнка, тоже Мишу. Аксинья Власьевна согласилась даже записать этого мальчика на свою фамилию. И появился в Кузнецке, в семье Васильева Михаила Васильевича гражданин Михаил Васильевич Басаргин.

Проживая в доме отца Евгения, бывший солдат Васильев М.В. закупил кирпичи, нанял каменщиков, плотников и, выстроив магазин на Базарной площади /теперь пожарная/ на Советской площади/, открыл торговлю. Торговал сначала сам смешанными сельскохозяйственными товарами: гвоздями, шпингалетами, шарнирами, пилами, лопатами, топорами, серпами, вилами, свечами, спичками, лампами и т.д.

Через некоторое время Васильев М.В. нанял одного, а затем другого работника, которые помогали ему в черновой работе в магазине.

Шли годы. Васильев разбогател. Наняв новую партию каменщиков и плотников, он выстраивает два больших каменных здания: одно двухэтажное по ул. Продольной /позднее Пятилетка, но сломя в нем был детский сад № 45/ и второе, тоже двухэтажное, на Народной улице /теперь сельхозтехникум/. Дом на Продольной выстроил сыну Петру, на Народной - сыну Александру. Как выстроили дом на ул. Продольной, купец Васильев М.В. со всей семьёй переехал жить от тестя-попа на второй этаж нового здания, а внизу открыл бакалейно-гастрономический магазин. Это был самый большой бакалейно-гастрономический магазин в Кузнецке.

Заведующий данного магазина был принят Рохин Иван Павлович.

Проживая у отставного солдата Ищенко И.З., Георгий Куртуков дружил с Пашкой, сыном Ивана Семёновича Шункова, заведующего уездным училищем, семья которого переехала с Подгорья в здание училища. Внизу здания жили Шунковы, вверху - 1,2,3 классы училища.

Проживая рядом, вместе с Георгием Куртуковым и Павлом Шунковым играли и двое сыновей купца Васильева: Сашка и Петька, оба моложе на 2-3 года Георгия Куртукова. Для купчишек их конюх из двух сломанных велосипедов смастерил двухколёсные тележки с оглоблями в виде тарантасов. По крайней мере можно было сидеть в них.

Вспоминая о детстве, Георгий Васильевич: "Обычно я и Пашка Шунков были "лошадьми", а Сашка и Петька - "баринами". Проезжая мимо их дома и бакалейного магазина, наши "бариньки" останавливали "лошадей", забегали в магазин и набирали полные карманы конфет и пряников, а больше всего халвы. И сами ели, и кормили своих "лошадей". Сначала это было по инициативе "баринов", потом все чаще мы по своей инициативе провозили их мимо магазина, останавливались били копытами о землю, требуя от хозяев, чтобы те покормили своих "лошадей". Так продолжалось каждый день. Как отчитывался зав. магазином Рохин И.П. перед купцом Васильевым, не знаю, но Рохин никогда не возражал детям купца брать все то, что им надо".

В другом доме купца Васильева по ул. Народной, где теперь размещён сельхозтехникум, жили одно время крестьянские начальники, отсюда они управляли всеми волостями уезда. Позднее там размещалась почта. По-видимому, купец Васильев сдавал этот дом в аренду городской управе, получая определенные доходы от этой сделки.

Как только подрос Миша Басаргин, неродной сын Васильева М.В., купец пристроил его в смешанный магазин сельскохозяйственных товаров. Рос Миша, росли доходы купца Васильева М.В., шло время, пролетали годы.

Бродяга-каторжанин, когда-то обманутый Васильевым М.В., бежал с каторги или отбыл полный срок наказания, но в конечном итоге появился в Кузнецке, намереваясь найти того, кому когда-то доверил один из своих кладов.

Две-три недели ходил он по лавкам, харчевням и пивным, исподволь изучая, купцов и расспрашивая, кто же из бывших солдат за прошедшие годы мог разбогатеть. Больше всего он

разговаривал с пьяницами в пивных и харчевнях, спаивая и угощая их на свои деньги. Один раз на вопрос бродяги, заданный собутыльникам, кто из бывших солдат мог разбогатеть за последние 10-15 лет, бродяга услышал: "А Мишка Васильев, купец, не он ли?" Эту догадку подхватили другие: "А правда... это тот, что на поповой дочери женился? И теперь торгует..." Каторжник и виду не подал. С этого дня он не раз навещал магазины купца М.В. Васильева, чтобы встретиться с тем кому давным-давно преподнёс подарочек в виде банки с золотыми рублями. Изучая в лицо купца, его повадки и манеры обращения с людьми, сопоставляя все то, что помнилось от той далёкой летней ночи, когда он разговаривал с часовым через окно тюрьмы, бродяга всё думал: "Он или не он?" Брали сомнения.

Однажды вечером, когда купец Васильев М.В. был дома и сидел в гостиной столовой в ожидании ужина, а служанка то и дело сновала на кухню и сюда, в столовую, собирая богатый ужин, на второй этаж хозяина дома вбежал никем незамеченный бродяга-каторжанин. Купец оторопел, увидев незнакомца. А бродяга смело подходит к хозяину, протягивает ему руку, чтобы поздороваться.

Васильев М.В. - Я вас не знаю, кто вы?..

Бродяга - Как не знаешь?.. А помнишь тюрьму... конский череп... золото?

Васильев М.В. - А... Катя! Гость пришёл! Знакомый... Давно не виделись... Собирай на стол...!

Слуг своих Васильев отпустил, сказал, чтобы не приходили. Стол обслуживала сама хозяйка, а купец усердно угощал гостя, стараясь сподить его, не жалея самых лучших вин. И каторжник свалился, мертвецки пьяный. Так и уснул на полу в гостиной. Катя намеревалась подушку подать, да Михаил Васильевич не позволял. "Пусть спит, не тревожь его", - сказал он жене, а сам вышел на улицу, разбудил одного из батраков и заставил его затопить баню. Тот удивился, что купцу к такой поздний час захотелось попариться, но пошёл выполнять волю хозяина. Вскоре Михаил Васильевич прибежал в баню и позвал работника на верх, в гостиную комнату. С трудом вытащили из дома обессиленное хмелем тело каторжника, волоком протащили до бани. И вот бродяга уже перед каменкой, лежит, распластавшись на спине.

- Тащи топор, - приказал купец.

Страх одолел работника, но... топор принёс. Собственными руками Михаил Васильевич отрубил бродяге голову, раскроил ее на части и побросал в топку каменки. Затем

изрубил все тело и также по кусочкам сбросал в огонь. До петухов с бродягой было покончено. А рано утром по указанию купца все тот же работник /Петр Казанцев?/ выбрал из каменки бани все угли и сгоревшие кости, растолок их помельче, перемешал с навозом и вывез в Поганый лог.

Этим же летом, вскоре после расправы с бродягой, заболел вдруг Михаил Васильевич, и умер. Вот и водила бабушка Басаргина Аксинья Власьевна маленького Георгия Куртукова посмотреть на покойного купца Васильева. Георгий тогда ещё не ходил в школу. Сказывала позднее бабушка Басаргина, что после анатомирования тела купца Васильева две банки с его салом отнесли в аптеку.

После смерти купца хозяйством его и торговлей стала управлять жена Екатерина Евгеньевна. Подрастали её младшие сыновья Петр и Александр, а старший - Михаил Басаргин - управлял торговлей в смешанном сельскохозяйственном магазине. К этому времени овдовела Аксинья Власьевна Басаргина. Придёт бывало она в магазин "к сынку" /так звала она Мишу/ и что ни попросит, никогда не отказывал он ей в помощи.

Но торговля не пошла. Продавцы и друзья служащие стали обманывать хозяйку. Миша Басаргин тянул себе, обманывая мать. Мало того, он имел виды и на дом дедушки - попа Евгения. Прибыли не стало, наоборот, одни растраты. Надеясь обеспечить былую прибыль, Екатерина Евгеньевна решила открыть транспортную контору для перевозки грузов, но ничего из этого не вышло. Купцы с ней в пай не пошли, а взятые в кредит на это предприятие деньги быстро истратила, рассчитываться стало нечем.

Имущество Васильевых было описано и продано. Например, гурьевский купец Ермолаев купил себе первый каменный магазин Васильевых, где они торговали смешанными сельскохозяйственными товарами. Дом на Народной улице купил барнаульский купец Лобастов. Продан был дом где жили Васильевы. Что стало с семьей Васильевых, Георгий Куртуков не знает. Помнит, что Сашка Васильев, как вырос, женился на ученице Григорьевой и вскоре куда-то уехал, а Петька женился на какой-то учительнице и некоторое время жил в Кузнецке в первые годы Советской власти.

Георгий Васильевич Куртуков помнит, что приходское начальное училище строили при нём, когда он ещё не ходил в школу. Городской голова С.Е. Попов был попечителем этой школы, и его портрет с окладистой бородой висел в зале школы...

Зиму Георгий проработал в работниках у одного ямщика в деревне Зимовье /гонял ямщину/, а весной устроился на Аксунайский прииск: качал воду с напарником. Георгию было тогда уже 15 лет. Управляющим прииска был Иван Ан.....вич Синкин.

Проработав лето на прииске, осенью Георгий возвратился в деревню Зимовье к тому же ямщику и возил ему сено, а следующим летом опять на прииске Аксунай работал возчиком /ходил с инженерами в тайгу снимать планы/.

Здесь и застало Георгия Куртукова казённое письмо из деревни Маловой, обязывающее препроводить его в свою родную деревню для разрешения спорного вопроса. К этому времени у него было заработано и накоплено 15 рублей. На заработанные деньги завёл себе хорошие валенки, широкие плюшевые брюки прискателя, суконное пальто с меховым воротником, меховую шапку, шерстяной шарф, хорошую фуфайку и т.п. Возвратившись в Малову, Георгий узнал, что за ним числится недоимка в 18 рублей. Дело в том, что в те времена по вопросам уплаты всяких повинностей и налогов существовала круговая порука. Отставной солдат И.З. Ищенко, взяв маленького Георгия Куртукова на воспитание, документы в уездных органах на усыновление до конца не дооформил, поэтому уездные земельные органы власти считали его за деревней Маловой, облагали его ежегодно всеми государственными налогами и повинностями, а сельское общество платило за него согласно круговой поруке. Платили, конечно, зажиточные мужики, в той числе и дядя.

Узнав, что Георгий Куртуков уже зарабатывает, сельский сход запросил ответа с Георгия Куртукова за его недоимки.

Возмущившись требованиями мужиков д. Маловой Георгий приехал в Кузнецк к И.З. Ищенко, чтоб упорядочить всё, разыскать документы в уездных органах на усыновление, но не тут-то было: документы на усыновление Ищенко властям не сдавал. Куртуков Георгий попробовал хлопотать через суд, на что истратил ещё три рубля, но дело до конца довести не смог. Здесь, в Кузнецке, он продал золотое кольцо за 3 рубля, но всего у него оставалось теперь только 10 рублей.

Как только Георгий появился в д. Маловой, мужики потребовали его на сборно. Здесь, на сборне, он отдал обществу все 10 рублей, но мужики требовали своё: уплатить недоимку сполна. Поэтому на общем сходе при сельском старосте они устроили продажу с торгов всей его одежды, которая была на нём: пальто-однорядка с меховым воротником, покрытое грубым сукном; меховую бобровую шапку; шарф пуховый; кавказский с набором ремень; валенки, - всё это было оценено в 8 рублей и распродано богачам. Даже дядя забрал какую-то вещь. И остался Георгий в рубахе и штанах, без шапки и босой. Хорошо, что сноха, у которой в Малове остановился Георгий, спрятала его фуфайку под своей постелью. Ограблен-

ного богатыми мужиками родной деревни /брат родной дал пимы и шапку/ брат отвёз Георгия снова на Аксунай, на заработки. И работал Георгий на этом Аксунае до 1908 года. Весной 1908 г. возвратился в Кузнецк и жил у И.З. Ищенко, помогая ему по хозяйству.

Весной, ближе к сенокосу, к празднованию 9-й пятницы в Кузнецк из Аксуная пришла группа богомольных женщин, в том числе и знакомая Георгию Куртукову девка Мария. Она тоже остановилась у Ищенко, чтобы помогать его большому хозяйству. Лето прожили они вместе, а осенью поженились. И стал Георгий Куртуков женатым.

Летом 1908 г. началось строительство кирпичного двухэтажного магазина купца Фонарева /бывшая золото скупка/. Куртуков Георгий нанялся подтаскивать кирпич, привезенный с кирпичных сараев Подгорья, раствор и другой строительный материал. Всё носили на носилках. В напарниках с Куртуковым Георгием работал Александр Васильевич Бехтенов. Тут же работал Горшков и много других. Платил Фонарев по 80 копеек в день. Стены магазина ложили приезжие каменщики. Строительство этого магазина закончено осенью 1908 г.

И винзавод строили тоже приезжие каменщики во главе с подрядчиком Сохатым. Был и приезжий инженер, который руководил всей постройкой винзавода. У инженера лакей - силач. Барин уйдёт на работу, а лакей его - к девкам на стройку, и скалит с ними зубы, отрывая от работы. Как-то подрядчик Сохатый дал замечание тому лакею, чтобы не отвлекал рабочих, лакей ответил что-то обидное. Пошёл зуб за зуб. Сохатый подскочил к лакею и толкнул его в грудь. Лакей и с места не шелохнулся, но со злорадством ответил: "Я не копна тебе, а сторож!"

Сохатый сильный был. Бывало, что в нетрезвом виде один поднимал бревно, а тут лакей какой-то, и с места его не сдвинуть. Тем временем лакей, увидев, как рабочие надрываются при укладке чугунных плит, подошёл к ним и попробовал приподнять одну из них. Поставив плиту на ребро, он приподнял ее примерно на ладонь от земли. А плита весила 36 пудов.

Наумов Александр Васильевич и Лоншаков Иван Павлович, помогавшие на установке плит, тоже решили показать себя, испробовать свои силы. Наумов - здоровый мужчина, попытался поднять ту же плиту, но не смог даже сшевелить её, зато Лоншаков чуть приподнял её от пола, но плита повалилась на него и придавила. Сквозь смех и слёзы Лоншаков простонал: "Помогите же!"

Работа на строительстве магазина дома Фонарева была тяжёлой, и как только окончилось строительство, осенью этого же 1908 года Георгий Куртуков ушёл к золотопромышленнику Попову Степану Егоровичу. Это было уже после женитьбы Георгия на Марии. Мария осталась жить и работать у И.З. Ищенко, навещая Георгия у нового хозяина. Георгий тоже не забывал жену и часто навещался к Ищенко И.З.

Работая батраком в доме золотопромышленника, городского головы - С. Е. Попова за четыре рубля в месяц, с пяти утра до позднего вечера Куртуков Г. В. выполнял работы дворника, чистил ограду от заносов снега, убирал во дворе, сено и воду возил, лошадёй кормил. Особенно тяжело было, когда с приисков, бывало, придёт обоз лошадей в 50-60. Тут уж работы хватало!!!

К тому времени, когда Г. Куртуков устроился к золотопромышленнику Попову С.Е., его хозяйство шло на убыль. Попов С.Е. имел прииски Распай, Изырыс, где-то на р. Тебе и ещё... На каждом прииске держал он управляющего и других служащих. Например, на Тебе приисками управлял Евгений Александрович Шелегин. На одной из других приисков управляющим был Егоров Н.

Как стал богачом С.Е. Попов?

Где-то в тех краях, где были прииски Степана Егоровича, раньше жил богатый золотопромышленник по фамилии Веселов. Имея семью, у Веселова в доме работало несколько прислуг, в т.ч. красивая девушка Анна. Веселов принудил её к сожительству, и она со временем забеременела. У этого же Веселова был лакей - Стёпка Попов, молодой парень. Веселов решил сговорить лакея жениться на Анне. Призвав к себе Стёпку, Веселов предложил ему: "Хочешь быть счастливым, женись на Нюрке. Отдам прииск, людей, оборудование..." Стёпка не сразу согласился, все думал... Он знал про грех Нюрки... А Нюрка все плачет... Веселов же, в свою очередь, тоже всё больше беспокоился о содеянном. И снова, и снова он агитирует лакея жениться на Нюрке. И сагитировал, уговорил. Устроив лакею своему богатую свадьбу, Веселов подарил Стёпке прииск Растай с его людьми и всем недвижимым имуществом. И стал бывший лакей Стёпка золотопромышленником Степаном Егоровичем Поповым, а служанка Нюрка - Анной Васильевной. Повезло Степану в богатстве, но не повезло в жизни. Накопив денег, Степан Егорович Попов открыл прииск Изырыс, потом прииски речке Тебу. Ежегодно его приискатели навывали до 12 пу-

дов золота.

Но не клеилась жизнь Степана Егоровича с Анной Васильевной: связалась она с кучером, запила... Как-то раз, собираясь ехать по делам службы, и рассчитывая к вечеру возвратиться, С.Е. Попов забежал домой, чтобы дать некоторые распоряжения домашним. Анну Васильевну он застал пьяной. Решив наказать, он запер её в кладовую до возвращения, до вечера. Но что-то помешало ему возвратиться домой во время, и явился он только через сутки.

И что же? Анна Васильевна была мертва, сгорела от вина, как говорили потом люди. Похоронив Анну Васильевну на Кузнецком кладбище, где теперь сад алюминиевого завода, Степан Егорович Попов долгие годы жил неженатым, а через много лет, уже на склоне старчества, какой-то богатый шорный мастер, державший в Барнауле мастерскую по изготовлению хорошей сбруи, сговорил Степана Егоровича жениться на своей воспитаннице, молодой, красивой и здоровой Елене Васильевне.

Ещё задолго до второй женитьбы Степан Егорович построил в Кузнецке два двухэтажных деревянных дома, соединённых крытым срубленным переходом, развёл кедровый сад. Усадьба его была ниже казначейства, по обоим берегам Картацкого ручья, на площадке теперешней тюрьмы.

Когда к золотопромышленнику С.Е. Попову устроился в батраки Георгий Куртуков, в его доме почему-то проживали квартиранты. На нижней этаже ближайшего крыла к ул. Достоевского проживал с семьёй крестьянский доктор Карпов /жена и мальчик 6-8/. В другом крыле внизу была кухня и комната денщика воинского начальника, а сверху над нами жил холостым Кузнецкий воинский начальник полковник Сухов Николай Степанович /глуховатый/. Хозяин дома С.Е. Попов с молодой хозяйкой Еленой Васильевной жили тоже вверху, в крыле над крестьянским доктором.

Попов Степан Егорович много лет подряд избирался Кузнецким городским головой. Работая в его хозяйстве как батрак, Куртуков Георгий как кучер возил городского голову по всем служебным и частным делам в пределах города Кузнецка: летом - на лёгком ходочке, зимой в крытом фэтоне /кошева/. Часто вечерами отвозил Елену Васильевну в гости к Окуловым, я затем поздно ночью ехал за ней. Вот тут-то и узнал Куртуков, что Елена Васильевна в близких отношениях с воинским, начальником Суховым.

Бывало, прежде чем ехать за Еленой Васильевной, Куртуков извещал об этом денщика полковника. И пока запрягал выездную лошадь в фэтон, полковник в одежде встречал его,

садился в фэтон и они вместе ехали за Еленой Васильевной. Иногда их обоих привозил из гостей от Окуловых, и они уходили в квартиру Сухова. Рассказывали, что Елена Васильевна тайным ходом ночами ходила по крытому переходу из своей квартиры в квартиру Сухова.

За каждый случай провоза Сухова Н.С. к Окуловым или для встречи с Еленой Васильевной, воинский начальник дарил Георгию Куртукову серебряный рубль.

В 1909 г. Георгия Куртукова вызвали на военную комиссию для призыва в армию. По просьбе городского головы С.Е. Попова военно-врачебная призывная комиссия забрала Куртукова, и долго ещё он жил и работал у С.Е. Попова.

Как-то раз, приехав из города на выездной лошади, Георгия Куртукова попросили двое ребят /дети служащих С.Е. Попова/ прокатить их по Кузнецку. Просьбу их он удовлетворил, прокатил. Дочь шорца Тытыякова видела это и рассказала Степану Егоровичу. Георгия отругал за это сегодня хозяин, а назавтра ругает Елена Васильевна, упрекая, что без разрешения катал детей их слуг.

Рассердившись, Куртуков Г.В. заявил хозяину, что через неделю рассчитается. Прошла неделя. Явившись к Степану Егоровичу, он потребовал расчёта.

Попов С.Е. имел хорошую ременную сбрую под серебряным набором примерно лошадей на двенадцать. И вот, прежде чем рассчитать Куртукова, он прошёл вместе с ним на конюшню, в амбары, проверил сохранность экипажей, шкур звериных, сбруи. Не хватило одной узды, так он заставил Куртукова в своем присутствии перевернуть всё, пока не нашли ту злосчастную узду.

Рассчитали. Людей не было, так вместо его в работники и кучера был назначен один расконвоированный тюремщик.

Проживая в Кузнецке далеко от приисков, С.Е. Попов не мог лично сам контролировать ход работ, доверял всё своим управляющим. А потом его прииски стали хиреть. Степан Егорович стал вкладывать деньги в открытие новых приисков. Разведка показывала, что на данном участке золото есть, он немедленно открывает прииск. Затратит деньги на строительство, наймёт рабочих, а золота или очень мало, или нет совсем. Он занимает деньги в кредит, и снова открывает прииск за прииском, и снова золота мало, казна пустеет. От Попова С.Е. Георгий Куртуков перешёл работать в дом хозяина пивзавода - к Красимовичу. Несколько позднее С.Е. Попов умер, и его похоронили на Кузнецком кладбище. Тут же были похоронены брат его и первая жена...

К Красимовичу Георгий Куртуков устроился весной 1910 года. Самого хозяина Ивана Матвеевича Красимовича уже не было, давно умер. Управляла всеми делами сама хозяйка Софья Фабиановна Красимович. Сын её Альбин Иванович и младшая дочь Вуня Ивановна - оба учились в Берлине. На лето приезжали сюда. Осенью 1912 г., перед началом учёбы, уезжал из Кузнецка в Берлин, они почему-то взяли с собой пианино, которое весило 42 пуда, и ценных вещей много. Только один ящик с вещами весил 12 пудов. Георгий Куртуков к с тому времени рассчитался от Красимовичей и работал у полковника Каренина. /Это было лето 1912 г./.

Погрузку вещей Красимовича на пароход видел сам. Грузчики долго возились с большим ящиком Красимовичей /в 12 пудов/ и долго пристраивались к пианино. Тогда один здоровенный парень попросил поставить ему на спину ящик, и легко взошёл по трапам на пароход. Ему же погрузили на спину и пианино, а по бокам по трое мужчин поддерживали это пианино. Под тяжестью трапы сильно прогибались, а когда пианино поставили на пароход он закачался. Военский начальник полковник Сухов, по какому-то случаю присутствовал здесь, всю погрузку вещей Красимовичей наблюдал. По окончанию работ он подошел к парню, переносившему наиболее тяжелые вещи, вынул из кармана серебряный рубль и вручил грузчику.

- За что? - спросил удивлённый парень.

- За храбрость и силу, - ответил полковник.

Тут же у причала работают буфеты, продавцы, Парень купил 2 колеса колбасы, неполный каравай хлеба и 2 бутылки вина. В считанные минуты уплёл всю купленную снедь.

Потом, при Советской власти, парень этот стал капитаном парохода.

В хозяйстве Красимовичей Георгии Куртуков выполнял разные работы: на дворе убирал, при варке пива качал воду, дробил солод на автоматических весах /засылалось шесть пудов сухого солода в ковш, колёса большие, ручки высоко, вот и крутишь, пока солод не измельеешь в муку/. Тяжёлая была эта работа, из-за этого Георгий и ушел от Красимовичей.

София Фабиановна как-то рассказывала, что на их усадьбе, где стоит дом Красимовичей, была когда-то усадьба Сидорова Ивана Егоровича, который изготавливал и продавал решетки для просеивания муки.

Красимовичи жили сперва по ул. Грибоедова, в бывшем доме воинского начальника Рылеева. Дом этот был разобран и куда-то перевезен уже при Советской власти. Раньше Красимовичи торговали вином, но прибылей было мало, решили строить пивзавод.

Иван Матвеевич Красимович долго выбирал место. И понравилась же, ему усадьба Ивана Егоровича Сидорова. Пришёл к Сидорову и предложил ему сменяться усадьбами, отдавая свой дом, флигель и все постройки по ул. Грибоедова.

- Вы в уме, Иван Матвеевич?! Мою избу за такие дома?! - удивился Сидоров. И сменялись.

Работая в хозяйство Красимовичей, Георгий Куртуков спросил раз Альбина Ивановича:

- Что вы имеете от пивзавода? - Тот ответил: - "В Берлине двое учимся, содержание, дорожные расходы, акциз платим, содержим рабочих, ведём хозяйство и восемь тысяч лежит в банке".

Куда делись Красимовичи, Г.В. Куртуков не знает, но про Софью Фатьяновну слышал, что когда ей стало плохо со здоровьем, она уехала в Томск, где был похоронен Иван Матвеевич, и там доживала свой век. Была у них ещё дочь старшая, замужняя за Корытковским, жили они в деревянном двухэтажном доме у оврага на ул. Казачьей /Свободы/, у моста через овраг. Вверху жили Корытковские, внизу была пивная с биллиардом. Бутылка пива стоила тогда 15 копеек, пиво крепкое: выпьешь две бутылки и пьян.

Г.В. Куртуков проработал у Красимовичей всего три месяца, получая по 19 рублей в месяц...

Тем же летом 1912 г. Георгий Куртуков с женой Марией переехали жить на прииск Аксунай, где он работал на шахте катчиком /тачку катал, лес таскал к шахте/. Проработал до зимы, скопил денег, купил избу. Десятник Федор Иванович Сартаков искал человека, кого бы послать в Кузнецк за его мальчиком, проживающим у стариков. Узнав об этом, Куртуков согласился. На лошади Ф.И. Сартакова Георгий Куртуков съездил в Кузнецк, собрал в дорогу сынишку его Недьку /Нестора/, жившего на Подгорье у родственников, и свою дочку Елену, жившую у И.З. Ищенко, и привёз их на прииск. Всего проездил 3-4 дня. Возвратившись в Аксунай, он узнал, что хозяева приисков решили закрыть этот прииск как нерентабельный.

Народ стал выезжать с прииска, пожилы ещё недолго там Куртуковы, продали избу, некоторые вещи и тоже выехали... в Кузнецк.

Здесь, в Кузнецке, Георгий Куртуков поступил в работники к Павлу Павловичу Сычёву, жившему за речкой Иванцевской, на острове /его усадьбу позднее купил генерал Путилов/. П.П. Сычёв был очень богатый: держал 12-13 дойных

коров, 8 лошадей, Георгий Куртуков работал в основном на скотном дворе: кормил, поил скот, убирал и вывозил навоз, чистил снег...

Основной доход П.П. Сычёв получал от содержания паромов. Один припаромок был на берегу Томи, в Топольниках, где сейчас трамвайный мост, другой ниже улуса Абинцы, ближе к речке Рушпайке /Почему её он называет речкой Казачьей?/.

В праздник "девятая пятница" /девятая от "Пасхи"/ хозяин посылал Георгия перевозить паромом на левый берег Томи пеших богомольцев, приходивших на праздник "Ильи Пророка". Весной 1913 г. П.П. Сычёв у городской управы перекупил с торгов аренду на право рыбной ловли. Раньше аренду содержал Игумнов. Место рыбалки было от устья р. Кондомы до теперешней аглофабрики. Аренду на право рыбной ловли городская управа, перепродавала каждую весну. Итак, хозяин Георгия Куртукова стал хозяином арендованных берегов Томи и устья Кондомы. Никому, кроме его, не разрешалось здесь рыбачить. П.П. Сычев купил сети, два карбоза, один невод длиной сажень 200, нанял шорцев 17 человек из Абинцев, а Георгия Куртукова назначили старшим. Как происходила ловля?

Один из бригады рыбаков - бережник - стоит на удобном месте в реке, у берега, и держит конец каната невода и сам невод. Остальные - канат на плечи - и пошли поперёк реки от берега. А бережник помаленьку спускает невод, Один на карбозе конец невода тянет по глубокой воде, затем поворачивает карбоз к тому же берегу вниз по течению. Получает круг невода. Один из бригады держит мотню невода. После всего рыбаки начинают подтягивать невод к берегу. Бывало, что за одну тоню нагребали по 6 лодок ельцов.

В усадьбе П.П. Сычева были складочные подвалы для рыбы. В день хорошей рыбалки П.П. Сычев нанимал по 6-7 женщин чистить рыбу. Женщины порют рыбу, икру выбирают в отдельную посуду, а поротую рыбу очищают и сбрасывают в чаны, /часто рыбу проквашивали и выбрасывали/.

Куртукову Г.В. вместе с Николаем Алексеевичем Бессоновым не раз приходилось ездить на подводах по деревням обменивать свежую рыбу на хлеб. Доезжали иногда до Бийска. Туда везли на 5-6 подводах рыбу, оттуда привозили хлеб зерном. Иногда возвращались с не распроданной рыбой обратно...

Началась Германская война. Когда и откуда в город Кузнецк прибыл отставной генерал Путилов, но этот Путилов купил у Сычёва П.П. всю его усадьбу с постройками. С тех пор стали называть это место "островом Путилова" или "Пу-

тиловым островом". А П.П. Сычёв переехал в дом бывшего купца М.В. Васильева по ул. Народной /в этом доме сейчас сельхозтехникум /, открыл здесь "коммерческие номера" /"гостиницу"/, сделал запас продовольствия в подвалах, держал много работников. Дом этот Сычев не купил, а как бы в аренду взял у купца Лобастова /Бийского или Барнаульского/, купившего этот дом после описи за долги у Васильева.

Кузедеевский купец Пискотин тоже "грыз зуб" на этот дом, собираясь его купить, и вот Пискотин придумал, как это сделать, написал письмо купцу Лобастову по его месту жительства, что дом разваливается. После продажи дома Васильева /Лобастова/ купцу Пискотину хозяин Георгия Куртукова П.П. Сычёв закрыл своё заведение, купил у Чулошникова старый дом, построился на Картасской улице, в том доме и умер ещё до прихода роговцев. Дом был старый одноэтажный. В период роговщины один роговец приехал верхом к Сычёвым, где проживала одна старушка — Софья Ивановна Сычова. Привязав лошадь к ограде, роговец всё перерыл в квартире в поисках золота. Старушка-хозяйка делала вид, что никакого золота у ней нет. В действительности же она две жестяные банки с золотыми монетами перед приездом роговца успела спрятать во дворе в снегу, когда выходила, встречать непрошеного гостя. Разочарованный роговец собрался ни о чем уходить от С.И. Сычевой, и ...на тебе!.. Золото!

Оказывается, привязанная лошадь скребла копытом в снегу и выскребла обе банки, одна из них рассыпалась. Роговец забрал золото, и был таков. Софья Ивановна при Советской власти нищенствовала, обитала у Николая Алексеевича Бессонова...

В конце 1914 или начале 1915 года Георгий Куртуков от П.П. Сычёва перешёл работать в "Торговый дом Василий Вытнов с сыном Петром". Это были томские купцы, проживающие в губернском центре.

Старик-купец давно уже умер, торговым домом управлял сын его Пётр. Так вот, оклады Вытновых размещались в подвалах каменного двухэтажного дома купца Степана Егоровича Шукшина. Здесь были соскладирсваны вина, коньяки, сыры, икра паюсная, сельдь.

В левой /западной/ части нижнего этажа этого же здания размещался магазин компании "Зингер" по продаже швейных машин, а в правой /восточной/ части — магазин Вытнова.

На верхнем /втором/ этаже было помещение купеческого собрания. На территории ограды С.Е. Шукшина было складское помещение, в котором хранились консервы, вермишель, мука, пряники, изюм, урюк, сахар и другие товары. Все это принадлежало "Дому Вытнова". Доверенным магазина и всего продовольствия "Дома Вытновых" в Кузнецке был Сергей Васильевич Соснин.

Г.В. Куртуков в "Доме Вытнова" работал по выдаче товаров купцам в их магазины крупными партиями, а так же по указанию Соснина отпускал со склада кому нужно вина четвертями. С.В. Соснин доверял Георгию ключи от складов, давал задание что делать. В пятницу и субботу обычно работы было много: в эти дни в Кузнецке ярмарка, шла бойкая торговля. Надо было успевать развешивать сахар различными порциями, из бочек наливать вино в стеклянные четверти. Хлебопекари со склада получали враз по 5-10-20 мешков муки.

Коньяки и вина в бутылках продавались только в магазине, но они в ящиках были складированы здесь. Как-то раз Г.В. Куртуков украл две бутылки "шпанки" — вина. В воскресенье вместе с продавцами Борисом Сосульниковым и Колькой уехали на озеро, развели костёр, взяли закуски, и распили обе эти бутылки. Подхмелели. "Борис Сосульников затеял поспорить с нами: достанем ли мы пустые бутылки из озера. Закупорил их и со всего маху забросил одну за другой в озеро, забросил далеко. Помню, я достал одну, а Колька — другую", — утвердительно заверил Георгий Васильевич...

От Вытнова Георгий Куртуков ушёл к купцу Михаилу Ивлеву /из села Ильинского/, который перекупил почти все товары у "Домо Вытнова" в Кузнецке. Но товаров было уже мало, торговать стало нечем. Вина не стало /Вытнов все вина, всё ценное перевёз в Томск/.

Ильинский купец Ивлев часть своих товаров из села перевез в Кузнецк. Ивлев тоже платил за аренду дома определённую сумму С.Е. Шукшину — хозяину этого каменного дома. С.Е. Шукшин когда-то сам торговал водкой, отпуская по деревням водку держателям кабачков, но... проторговался, и жил теперь в деревянном доме, в котором после роговцев была размещена церковь. Проживая за счет средств от сдаваемого в аренду своего каменного двухэтажного дома. С.Е. Шукшин всегда говорил: "Матушка Темь построила С.Е. Шукшину двухэтажный дом, Спасибо ей за это". Умер С.Е. Шукшин в своём деревянном доме.

Куртуков Г.В. у купца Михаила Ивлева работал продавцом. Хозяйкой магазина была молодая красивая дочь купца — Александра Михайловна. Сам М. Ивлев жил в Ильинке, а дочь — в Кузнецке. Был у купца Михаила Ивлева сын Ванька.

Как-то зашёл в магазин китаец с шелками. А.М. Ивлева завела его к себе в кабинет при магазине и купила 20 аршин чесучи /модный в то время товар/. Георгий Куртуков знал об этом, но отцу её не сказал об этой покупке, зато рассказал об этом купцу М. Ивлеву Борис Сосульников. Шёл 1916 год. И вот вскоре Бориса Сосульникова призвали в армию. Георгий Куртуков остался одним — единственным продавцом в этом большом магазине Михаила Ивлева. Александра Михайловна купила Георгию хорошее

пальто, как подарок за то, что Георгий Куртуков промолчал о ее слабости скупать хорошие вещи, а также золотые и серебряные украшения. Она, обычно, пройдет по магазинам, где торгуют серебряной дорогой посудой, золотыми украшениями, высмотрит, узнает цену, а потом посылает Георгия купить облюбованный товар.

Уже настала осень 1916 года. Выпал снег... Как-то Георгию Куртукову повстречался на улице Николай Степанович Байкалов, работавший в то время от Копикуза, и спросил:

- Ты где работаешь?

- У купца Ивлева.

- А сколько платят?

- Шестьдесят рублей.

- Пойдешь ко мне?

- Что делать?

- Принимать лес, ведать хозяйством: лошадьми, людьми, в тайге на заготовке леса, на Кондоме.

И расстался Георгий Куртуков с купцом Ивлевым. Вскоре Ивлев прекратил торговлю в Кузнецке, оставшиеся товары увёз к себе, в Ильинское.

Семью свою Георгий оставил на квартире в Кузнецке, а сам за 90 рублей в месяц поехал в Кондомскую волость. Вместе с Н.С. Байкаловым приехали верхами в деревню Широкий Луг к объездчику, получили от объездчика инструкции как рубить лес, как складировать на берегу, как сплавлять по реке. Байкалов снял квартиру для будущих лесорубов, наняли кухарку...

А вскоре в Широкий Луг пригнали примерно полсотни Абинских шорцев, мобилизованных на строительные работы. Георгию было поручено заготовить у местных жителей продукты, мясо, съездить в Бийск за мукой. К этому же времени из Кузнецка пригнали лошадей со сбруей, санями. У местных жителей закупили достаточно овса, сняли амбар под овёс. Навозили сена с покосов, тоже закупленное у крестьян. Начали работать на заготовке леса. Инженер Садов Николай Васильевич назначил Георгию Куртукову плату 150 рублей в месяц.

Работы по заготовке леса развернулись полным ходом. Одни бригады рубили лес, другие вывозили его к берегу Кондомы, третьи штабелевали. Куртуков Георгий проработал здесь всего всю осень и зиму 1916 года, весь 1917 год и часть начала 1918 года...

Весной 1917 года, нарубив осиннику, лесозаготовители сколотили плоты, и один плот с людьми для пробы отправили вперёд. Но ребята, не имея опыта, посадили этот первый плот недалеко от деревни "Белый Камень". Несколько позднее со

всеми остальными рабочими Георгий Куртуков сплавил плотами весь заготовленный лес... Сплотили и застрявший на мели плот с лесом у дер. Белый Камень. Здесь всей группе рабочих пришлось заночевать, так как день кончался. Поужинали. Один из весельчаков шорец Аркашка связался с кержачкой данной деревни "Белый Камень". Он выпил воды из её кружки, осквернил эту кружку. Кержачка пришла до начальника с жалобой и выпалила всё накипевшее в её сознании Куртукову. Последний заплатил ей 1 руб. 20 коп. за кружку и бросил эту кружку вслед хозяйки. А ночью Аркашку с той же девкой кержачкой застал ее отец-кержак. Попало самой кержачке, но и Аркашке кержаки решили отомстить.

На следующий день, доплыл до д. Аила /Кузедеево/ вся группа плотбищиков остановилась на обед. Работники Куртукова разбрелись по избам деревни, набрали самогонки и напились. Пока обедали и отдыхали, один из плотбищиков шорец, будучи пьяным, голый, отвязал плот и поплыл. С группой рабочих Куртуков догнал на лодке отплывший плот, сторяча ударил пьяного шорца веслом по заду, а он упал в воду и под плот... еле достали его за руку. Тут же Г.В. Куртуков избил его, сколько надо.

Пригнав плот в Осинники, лес был принят без оформления бумаг, на слово. А тут уже было распоряжение часть Абинских шорцев обеспечить в распоряжение уездного воинского управления. Куртуков Г.В. распорядился запрячь две тройки /по три лошади на телегу/ и человек 15-18 отвез в Кузнецк и сдал их в распоряжение начальника воинского управления под расписку... /Начальником воинского управления был всё тот же Сухов, писарь Шабуров, женатый на сестре Кошкина Гришки/.

Возвратившись в Осинники и наковав необходимое количество багров, Куртуков Г.В. с некоторыми рабочими повёз на подводах эти багры в Кондому, на плотбище.

В отсутствие Куртукова Г.В., когда он отвозил часть, шорцев в Кузнецк, Байкалов Н.С. послал Аркашку по делам в Кузедеево. Последний запьянствовал здесь, приехал верхом в "Белый Кямень" и похвалялся. А когда поехал по конной тропе напрямик на "Широкий Луг", его кержаки подкараулили и застрелили, столкнув труп в воду.

Когда Куртуков Г. В. проезжал на подводах через "Белый Камень", ему сообщили о случившемся. Лошадь с седлом, на которой приехал сюда Аркашка, угнали в "Большую Поляну".

Всю осень 1917 года и начало 1918 Георгий Васильевич Куртуков проработал на лесозаготовках. Что случилось, он не знает, но весной 1918 года руководство Копикуза свер-

нуло все работы по лесозаготовке и рассчитало всех рабочих. Получил расчет и Куртуков Г. В. по 150 рублей за месяц за той месяца наперёд / $150 \times 3 = 450$ рублей/. После расчета он возвратился на жительство в свою деревню Малову. Вместе со своим родственником, однофамильцем Гришей Куртуковым Георгий Васильевич Куртуков подрядились построить два сарая для будущей станции железной дороги в Куртуковой /возили не подводах цемент/. Георгий зарабатывал по 100 руб. в месяц. Потом летом 1918 года Георгий работал на рытье котлована под железнодорожные трубы. Котлован переходил от деревни Маловой до дер. Куртуковой. Вручную, лопатами десятки рабочих прорыли котлован, забетонировали, но план изменили и железную дорогу повели по другому месту. Подрядчиком был Лукьянов...

16, 26, 27 декабря 1972 г., 31 янв. 1973.

Дополнительный материал из рассказов Георгия Васильевича Куртукова.

1. Когда П.П. Сычѳв держал коммерческие номера, он почти каждого постояльца заставлял меня отвозить, кому из приезжих куда-либо нужно было ехать. Как-то зимой он распорядился отвезти одного приехавшего чиновника в дер. Берѳзову. До Берѳзовой от Кузнецка 24 версты. Я на паре лошадей отвѳз чиновника и уже вечером возвращался в город. Переехал р. Томь, въехал в Топольники и вижу: что-то блестит на обочине наезженной дороги.

Подъехал и, не вылезая из кошѳвки, подобрал серебряное блюдо. Такое блюдо я видел недавно на городском базаре, которое продавал старичок Денисьев. В Кузнецке, на ул. Марининской, напротив дома Фонаревых, жили два старичка /братья/ и одна старушка /их сестра/ - дети старинного генерала Денисьева. И вот один из них - Фѳдор Фѳдорович /худо язычный/ - продавал как-то на базаре семейное серебряное блюдо, называя: "Кому "ляля" /блюдо/. Я смотрел на его ещѳ и хорошо запомнил. И теперь, держа в руках найденное на дороге блюдо, я сразу определил, что это блюдо из дома Денисьевых.

Подъехав к коммерческим номерам, распряг лошадей, я свою находку - блюдо - спрятал в заднем дворе в коровник, под мостик. А сам все думаю про блюдо, думаю, нехорошее что-то случилось. Попил чаю... прибегает одна горничная и говорит "Денисьевых убили! Всех троих!" Я тихонько в коровник... думаю, что надо спрятать блюдо получше, как бы

греха не было, не обвинили бы меня в чём? Смотрю под мостик - нет блюда... Всё в темноте перешарил - не нашёл. Кто-то, видно, видел то работников, когда я прятал блюдо. После всего случившегося я и язык "прижал".

А позднее, когда я работал в торговом доме Вытнова /1916 г./, как-то стою в магазине, входит Михаил Иванович Курский, на цепи его карманных часов висит цепочка золотая, а на конце её - лошадка с поднятым кверху хвостом, а в центре лошадки - золотой квадратик. Это был губернский знак. Я приблизился, хотел брелок взять в руки, чтоб лучше рассмотреть, а сам спросил: "Никак, Михаил Иванович, носишь генеральский губернский знак?" - как Курский отпрянул, отошел в сторону и со злостью ответил: "Много будешь знать, скоро состаришься?"

Когда убили генеральских стариков Денисьевых, Лакомцев М.М. жил от них через 2-3 дома, на квартире. А молва шла, что это они, Курский и Лакомцев в союзе с Аксёновым часовым мастером, ухлопали генеральских детей. И будто бы сама Аксениха помогала им в этом грязном деле. Аксениха /родом Бехтенева/ будто бы подкараулила с вечера, когда Федор Фёдорович Денисьев куда-то вышел из дому, а старуха не закрылась... и в это время она /Аксениха/ пробралась сени, спряталась, а ночью открыла внутренние запоры от дома... Позднее, уже без мужа, Аксениха построила дом в конце улицы Достоевского. Аксёновы держали фотографию. Сын ее был фотографом, фотографировала и сама Аксениха, а хозяин её Аксенов был часовых дел мастер. Две сестры Аксеновой по пятницам и субботам торговали на базаре сбитнем...

3. ... Во время Первой мировой войны было запрещено торговать винами, кроме водки. В связи с этим один вход в винный склад дома Шукшина полиция Кузнецка запломбировала. В этой операции участвовал и отстранённый бывший доверенный-счетовод "Вытнова". Но был другой ход, тайный, его не знал и счетовод-полицейский. Так вот, А.А. Кошкин давал мне распоряжение отпускать вина знакомым ему, кому он доверял, а сам он за это с покупателей брал в два раза больше стоимости. Денег у него было полно. По указанию А.А. Кошкина я умудрялся продавать вина в буфеты прибывающих пароходов. Один раз в присутствие полицейского и того самого "счетовода", проверяющих погрузку на пароход товаров, под видом куриных яиц мы загрузили вино.

После погрома винного магазина Емельяновой и винного

завода мобилизованными на войну, в Кузнецк из губернского центра прибыл военный суд. А.А. Кошкин там и "пропадал", на этом суде. По окончании суда к нам в магазин, в контору А.А. Кошкина, пришли нижние чины из военного суда и просили Кошкина отпустить вина. Тот дал распоряжение мне - отвезти вино на квартиру, где квартировали члены суда. Приготовив запряжённую лошадь на улице, я зашёл в склад, одел длинное пальто, подвязался поясом, а по обоим бокам под пальто засунул по 3 бутылки вина /всего 6 бутылок/, быстро вышел из магазина, встал на сани и поехал. А на ходу ко мне вскочил городской, вцепился под мышки и едет куда-то. Боясь, что он может обнаружить бутылки с вином, я закричал: "Ой, чирей раздавишь!", - а сам присел на сани. Довёз городского до свертка, тот соскочил, а я благополучно доставил товар господам военным.

4. Я у Путилова работал подённо, на охоту с ним ходил за его зарплату 60-70 копеек в день, бывало, в лодке приплываю на озере: - Николай Павлович, утки! ", а он: "Не вижу, сам стреляй ". Не берегу костёр разожжем, баульчик его разложим: водка, чай... К вечеру домой. К Путилову иногда приезжали не здешние... Дома он кучера держал, а сам утром в конюшне уберет, уберёт во дворе, коров выгонит на пастбище, а Тимка-кучер спит. В праздники Тимка всегда звал выпить с ним. Я позднее, через несколько годов, как-то высказал Тимке, что деньги-то, наверное, у генеральши он брал. При роговцах Тимка прятался, при случае, под амбарам.

Одна из комнат генерала Путилова была как бы музей оружия. На стенах этой комнаты были развешаны разные шашки /сабли/, дробовые ружья старинного изготовления, но я на них не обращал внимания.

Когда мобилизованные в 1914 г. разбили в городе винный склад, Путилов одел генеральскую форму, на брюках лампасы, и верхом на лошади ездил на площадь... усмирять... Винные лавки были закрыты, взять вина негде, вот и пошли мобилизованные толпой на винный склад, нашли заведующего Марченко С.С., под силой оружия взяли ключи... открыли склад, /а пол там цементный/, открыли краны у баков, по колено в спирте ходили...

Тащили со спиртного склада водку и спирт, тащили в бутылках и четвертниками, больше в четвертниках. А некоторые ящики везли спиртное по домам. Сказывали, будто городские власти со зданий винного завода фотографировали людей, кто тащил спиртное, а потом арестовывали активных расхитителей

посадили в кузнецкую тюрьму, многих из арестованных отправили в Томск. Были разговоры, что в томской тюрьме старые арестанты потребовали с них пай деньгами, а у солдат - мобилизованных денег нет, тогда арестанты перестали им выдавать те порции из еды, что задавались арестованным. Будто на этой почве в тюрьме произошла стычка между старыми арестантами и прибывшими из Кузнецка арестованными мобилизованными, участвовавшими в разграблении спирта. Будто 11 /одиннадцать/ человек было убито, в том числе один из Подобаса.

5. Как-то я приехал в Кузнецк, чтобы сдать хмель, но пришлось возвратиться с хмелем домой, в Малову. Дело в том что, только что в Кузнецке произошёл переворот, как раз выпустили из тюрьмы арестантов, в том числе и уголовников. Все было парализовано, некому было сдавать хмель. Решил захватить к И.З. Ищенко, попроведовать. Только проехал у дома Шутова-Васильева, навстречу бежит один с винтовкой...

А через несколько дней в Кузнецке появились роговцы. Сказывали люди, что роговцы разбили склады у богатеев, растаскивая со складов мясо, кошму, мёд, орехи и т.д. Говорили, что Хавронья Степановна Лучшева наколупала в складе мёду целое ведро... и утащила домой.

6. Роговское командование распорядилось из Кузнецка собрать по деревням мясо, муку, сено и даже дрова и все это привезти в Кузнецк. В нашей деревне Маловой собрали подвод 11-12, но некому ехать, все боятся, ротозев. Решили послать старшим меня, а у меня лошади нет. Мой крестный Николай Петрович Куртуков дал мне лошадь и кошеву. Со мной поехал Орлов, отец его у нас был секретарём, а дядя его, по фамилии Овчинников, раньше был начальником тюрьмы /теперь уже старый, отставной/, жил он в Кузнецке, дом напротив винзавода. Вот и поехал Орлов, на своей лошади, узнать про дядю Овчинникова. Орлов раньше в Кузнецке бил лесным объездчиком, брал взятки. ..

Итак, еду я впереди обоза, за мной - Орлов, а сзади обоз нашей деревни и наши мужики. Въезжая в Кузнецк, обоз мы пустили вперёд, я ехал последним. Проезжая по Достоевской, смотря на обочине лежит труп, лицом вниз, руки растопырены. Я по затылку узнал, что это Костя Почекунин, он был рыжеват, соловый /?/, мы когда-то вместе с ним в школе учились. Едем дальше, на площадь поднялись, вся площадь заставлена подволами, кошевами. Мы движемся к складу у дома Красимовича, куда нам велено сдать фураж и продовольств-

вие. Смотрим, у дома купца Окулова лежат зарубленные человек пять: кто голый, кто в кальсонах. Не доезжая дома Утенко, у дорога лежит труп женщины, она в туфельках, в черной юбке, голова в причёске, видать из интеллигентных. Труп лежал лицом в снег. Орлов всё возле меня, от меня ни на шаг... Заехали в ограду Красимовича. Оголец стоит. На нем надето чьи-то длинное пальто, а сверх него, ещё короче другое пальто. Я спросил: "Где принимают продукты?" - Оголец: "Въезжай!" А лошадь не идёт, боится это чучело. Я кричу: "Отойди! Видишь, лошадь боится!" А он стоит. Я повторил требование, - отошел. Я проехал, а за мной и весь наш обоз. Я снова спросил: "Кто принимает продовольствие?" Он подошёл поближе и спросил, что я привёз. Я рассказал, что привезли мясо, овёс, муку... Оголец распорядился сгружать всё в склад, Тут я ещё раз посмотрел на него. Ему было лет 40. Принял всё без весов, я сдал. - А где пропуск брать? - спрашиваю, а он: - Я напишу на этой же бумажке, сходи в комнату". Я зашёл в одну из комнат дома Красимовича, но там ответили, идите на винзавод и там дадут справку,

Идём на винзавод вместе с Орловым, вдруг от винзавода вниз к Томи летит верхом пьяный роговец, а навстречу ему идет мужчина, намного впереди нас. Роговец галопом летит на мужчину и рубанул саблей..., но мужчина присел, а у роговца папаха с головы слетела. Роговец развернулся..., и на мужика, а тут схватил папаху, стоит на коленях и кверху папаху роговца держит. Роговец подскакал, взял папаху, и умчался снова к винзаводу. Я говорю Орлову: "Сейчас на нас наскочет".

У винзавода Орлов пошёл к своему дяде Овчинникову, а я на территорию завода. Открываю калитку в ограду винзавода, роговец привязал коня к ручке калитки и конь брыкается. Прошёл. Открываю двери первого этажа здания винзавода, а роговцы делят меж собой чулки, перчатки, сорочки, полно роговцев. Спрашиваю: "Где взять пропуск?" - А там, налево... Я подал бумажку, а какой-то писарь написал пропуск на выезд из города и справку, что мы сдали на склад. С документами я иду к дому Красимовича, к своим подводам: ямщиков и их лошадей нет никого. Стоит моя /что дядя дал/ лошадь. Я сел в кошеву к поехал на площадь. Без меня зав. складом дал моим мужикам недоуздки колчаковского склада, и они набрали их пачками /десятками/, а другим не хватило. Набросали со склада и веревков-веровин, нахватили всего...

На Базарной площади застал я своих мужиков. У них на санях по 1-2 ящика мыла, кошма, фуражки, шапки /все это из склада кооперативного награбили, что стоял в ограде дома Янковского/. Надо ехать, кто останется, того не выпустят. Побежали на склад за остальными, Смотрим, Васька Егоров набрал гвоздей с того же склада....

Подбегает роговец; "У кого пимы черные есть?" - Вон, у Г.В. Куртукова. Роговец: "Сымай пимы!" - "А ты надевал? Я старший обоза. Вот пропуск от Рогова!".

Все мы уехали, пропуск никто не смотрел. Едем домой, догоняем муратовского мужика на худенькой лошаде. На санях: комод, ящика 3-4 стекла, миски, поварешки, лошадка плохо тащится... Мы обогнали его.

7. Уже при Советской власти, после роговщины, Орлов был избран членом правления потребительского общества. Как встретится со мной, всё приглашает... Жил он в стороне, на окраине. Летом в кустах охотился на поросят других деревень... у него всегда нажарено.

Но вот стала продрозвёрстка. Орлов просит меня: "Ты меня замести, собирай налоги, я недели две посенокосю..."

Другой раз тот же Орлов подходит с вопросом: "Тебе масло надо? Я лишку набрал и не сдавал до отпуска, в чане много оставил. Вот туда и пристроился Орлов. А когда я стал сдавать, не хватило 2 пуда. В чане вместо 18 осталось 16 пудов. Я обратился к Ивану Тимофеевичу: "Ты куда масло клал?" - "Туда".. Я к упродкомиссару, а тот грозит за решётку, но потом махнул рукой...

Председателем сельсовета при роговцах и после них был Кощев Иван Игнатьевич - куртуковский, ото добросовестный крестьянин, мастер по кузнечному, плотничному делу и по сельскому хозяйству.

Секретарем с/совета - Орлов. Жители д. Куртуковой Михаил Савельевич Куртуков, Орлов, Тимка, Михейка /Михаила?!/ всегда промышляли воровством. Гуси переплывут Кондому на ту сторону, а они, подкарауливая в кустах, побьют хворостом часть гусей по головам, вот и мясо. Один раз Орлов и Мишка Куртуков уехали на лодке вверх к Калвану, опустошили у одного пасечника колодки на пасеке...

8. Купец Фонарев Алексей Егорович из села Кузедеевского, там торговлю держал. Потом переехали в Кузнец, открыли деревянную лавку, торговали в ней, у кого-то жили, а сами построили большой дом /нижний этаж каменный/. И семье их было 3-4 дочери и сыновья: Никита, Владимир, Борис и Валентин...

Фонаревых я знаю, т.к. в 1908 г. кирпич подносил каменщикам и раствор месил при строительстве их 2-х этажного каменного магазина. Их сын Никита /старший сын/ надсадился, захворал и умер. Как-то у Фонаревых украли жеребца кровного со всей упряжкой, воров поймали в Бунгуре.

Вскоре умерли купец Фонарев, а за ним и купчиха... Всё у них распалось, остался только один каменный магазин. Как-то воры просверлили 4 дыры в двери магазина /на нижнем этаже/ отверстия распилили пилкой, образовалась дыра. В эту дыру просунув руку, открыли деревянный засов /наружного замка не было/.

В магазине забрали подчистую все серебро и золото. В другой раз ещё как-то обворовывали. Каждую субботу, а также на праздники я выезжал вверх Томи за город рубить дрова. Со мной всегда ездили парни-подростки Фонаревы и Хворовы. Они помогали мне рубить и грузить дрова.

9. Купец Хворов Василий Федорович жил в р-не - Подкамня. Занимался летом скупкой масла топленого скотского. Все деревенские масло везли только ему. В пятницу, субботу в этот базарный период крестьяне съезжались в город на базар. Готовое масло трамбовали плотнее в железные бочки. В зимние месяцы купец торговал хлебом. Как-то раз В. Ф. Хворов в своем складе распорол ногу о листовое железо. Нога болит, доктора лечат, выманивая деньги, нога всё пухнет. Он даже заказал в Томске особый ботинок на больную ногу, но не помогло ничто, скончался. Хворов принимал масло по 4 рубля за пуд. Закупоренное в бочки масло отправляли в Томск. Из сыновей этого Хворова был Борис и ещё младше его.

10. Купец Хворов Михаил Васильевич имел большой капитал, был церковный староста, дочь его вышла замуж за Александра Павловича Трофимова. М.В. Хворов старостой был в Одигитриевской церкви: закупал воск от пчеловодов, здесь обрабатывали, переплавляли в белый воск, куда-то отсылали, зато через епархию присылались готовые свечи. Присылались и крестики с лентами. Староста М.В. Хворов торговал свечами и крестиками.

Приход в церкви: одна с кружкой /ему/, другая - на тарелке /священнику/. Как-то с прииска на праздник "девятой пятницы" мы с другом пришли в Кузнецк. Ждём, молимся. Вот скоро понесут "Илью Пророка" /икону/ в Ильинскую церковь... А поп Христорожественский идёт к крепости, установили стол, чашу с водой священной, дьячок подголосивает...

Служат час: церковники носятся с кружками, тарелками, кропят, а люди в эти кружки, тарелки деньги бросают.

Чтобы видно всё было, мы залезли на крепость... Вот в Соборе зазвонили колокола... Принесли "Илью Пророка" к крепости... Дьякон забирает скатерть, чтоб идти в Христорождественскую церковь. Витя Капульцевич дьячок: он сын генерала, а мать его в винной лавке продавцом.

11. Отец Виссарион Минералов. Была дочь старшая. Как-то овдовел купец Макаров в Тогуле, приехал, высватал, не хотела за него выходить замуж, связали, отправили... Дочь кричит: "Я не хочу!!!" Отец-поп: «Кого тебе надо ещё! Поезжай с Богом!»

Другая дочь Минералова в городе живёт за Долговым. Сын Вениамин учился, офицером стал. Отец Виссарион гулял с акушеркой.

Как-то продавец Егоров у Емельянова, сам пьяница, составил складно частушку, в рифму:

"Одна акушерка ходит галопом,
гуляет с отцом Протопопом,
Другая гуляет с приказчиком"

и т.д. и вывесил в доме Шукшина...

20. На месте народного дома Оська Зубок строил карусель. Раньше, в праздники /пасха, родительский день/ на этом же месте Ярославцев всегда приходил с каким-то аппаратом в ящике /носил его в сумке/, поставит аппарат на стол, поставит по сторонам 4 табуретки и за 5 копеек /с каждого/ сразу могли слушать 4 человека. От каждой стенки аппарата выходило по 2 проводка, на концах проводков — наконечники, которые вставлялись в уши. И вот 4 взрослых человека сидят вокруг стола и хохочут, слушая аппарат. Всегда в этом месте вокруг стола и аппарат Ярославцева толпился народ, ожидая очереди послушать. Я все это много раз видел, но ни разу не слушал, не было денег /был мальчишкой/.

Тот же Ярославцев в конце Сергеева Лога /у "Чёртова" мостика/ на водопаде держал мельницу /это за крепостью/. Мололи только весной...

23...

Уже работая у Попова, я как-то зашёл в Куртегешевым получить с них долг, заскочил быстро в дом, а они золото весят, испугались, сразу отдали 2 рубля. Жена Куртегешева И.А. ездила в Петроград на богославление к Ивану Кронштадтскому /а он умер/. Была у Алексея Ивановича дочь шорка, красивая и стройная. Раз приехал из Москвы капиталист Карым, ночевал с дочкой Алексея Ивановича, а она назавтра слугам сказала: "Я теперь Карымка". Ну а слуги разболтали...

25. Купец Емельянов Леонид умер давно. Когда купца понесли хоронить, продавцы отрывали куски мануфактуры и шесте с деньгами разбрасывали по пути шествия к кладбищу. Этот

купец в Кузнецке имел каменный промтоварный магазин на Базарной площади, каменный винный магазин тоже на Базарной площади. Был сын Василий Леонидович, который учился в Томске и окончил коммерческое училище. Приехал совсем. Он первым предложил сестре Ольге Леонидовне поделить хозяйство и имущество отца. Она в ответ: "Если, нам а тобой заплатить моему мужу /Окулову М.З./ за 19 лет его работы в доме отца, останутся одни стены. Поезжай, учись, будем помогать",

Василий Емельянов уехал в Томск и там застрелился.

26. Старший сын купца Окулова — Иван пошёл с кумом штабс-капитаном Николаем Алексеевичем... на охоту. Весна, только растаял снег, пароходы уже ходили. Шли охотиться на куликов, на бекасов.

С заряженными ружьями они перескакивали с кочки на кочку, как-то сучек задел за взведенный курок, — произошёл выстрел: сорвало правую часть черепа: был жив, на пароходе с матерью повезли в Томск, Иван Окулов дорогой умер. Мать возвратилась с покойным сыном. Хоронили здесь, на кузнецком кладбище. Молодой сын Евгений Окулов при роговцах сбежал.

37. Байкалов и Николай Степанович ранее работал управляющим на Балыкских приисках, потом, начиная с 1916 г., - руководителем по заготовке и сплаву леса в Кузнецком отделении акционерного общества "Копикуз".

Семья его проживала в Кузнецке по ул. Достоевского. До сих пор тот дом называют домом Байкалова. В семье Байкалов были сыновья Николай, Яков, Владимир и дочь Зоя.

Уже в 1910-1917 гг. старший сын Байкалов Николай Николаевич служил где-то казаком. После установления Советской власти он был в Кузнецке. От него требовали снять лампасы, а он отказался. Этим он и запомнился Г.В. Куртукову. Знал Г. Куртуков этого Николая Байкалова и раньше. Будучи у полковника Карелина кучером, как-то Г.В. Куртуков зашёл в пивную, закапал себе пива 3 бутылки /по 15 коп. за бутылку =45 копеек/ Получал он в месяц у Карелина 10 руб., поэтому те 45 коп. для него были деньги.

К столу Куртукова присел выпивший уже молодой Николай Байкалов, и стал распивать пиво Куртукова. Выпили. Тогда Куртуков потребовал от Байкалова купить свой пай, но не тут-то было. Байкалов подозвал рабочих с приисков, выпивавших тут же, и направил их на Георгия Куртукова. Заискивая перед сыном богатого начальника, пьяные приисковые рабочие набросились на Куртукова, избили его, разорвав в клочья рубаху...

Осенью 1917 г. Г.В. Куртуков и Н.С. Байкалов верхами на лошадях ехали домой с лесозаготовок (с Лесной Поляны). Подъезжая к Тайлепу, Куртуков увидел кружившего над ними чёрного ворона. Вспомнилось поверье людей в такую примету. Куртуков и говорит: "Николай Степанович, кто-то скоро умрет из нас", - но тот промолчал. Доехали до Кузнецка. Байкалов наказал при возвращении из Маловой захватить за ним. Праздник "Покров" (1 октября) Куртуков провёл дома, в семье. На третий день после "Покрова" Г. Куртуков из своей, деревни Маловой возвратился в Кузнецк, захватил к Н.С. Байкалову, чтобы вместе ехать на лесозаготовки в Лесную Поляну. Зашёл в ограду к Байкаловых, а его сын Яков стоит у конюшни и говорит: "Посмотри!" И Куртуков увидел: высоко под крышей в крыше, подвешенный к балке, висит мёртвое тело Н.С. Байкалова. Г.В. Куртуков захватил в управление "Копикуза", расположенное в нижней этаже здании теперешнего сельхозтехникума, и доложил о случившемся, а сам уехал на Лесную Поляну...

Закончил переработку дополнительного материала с черновиков в течение 6, 7, 8, 9, 10 июня 1987 г. 10 июля (пятница) 1987 г.
В.П. Девятяров.